

Joanna Korzeniewska-Berczyńska  
Warszawa

## Особенности польской и российской „дороги к храму”

В данной статье рассматривается вопрос о польской и российской религиозности. Основным материалом для анализа отобран на основе своеобразного ассоциативного эксперимента, посредством которого в 2004 году были опрошены польские и российские „вузовские группы” численностью по сто человек. Содержание вопроса-стимула, на который надо было прореагировать: Какие вербальные ассоциации вызывает слово *świątynia* / / храм?

В первую очередь, мы обратим внимание на польское восприятие богатой семантики номинации *świątynia*. Здесь полезно напомнить, что Польша считается традиционно религиозной, католической страной; верующими называют себя свыше 90% населения.

Польский католический костел подвергался сильным, а потом довольно сильным репрессиям лишь в годы 1946–1956, когда у нас свирепствовал, а со временем, – лишь прозябал, сталинизм. Однако начиная с оттепели 1956 года Костел стал пользоваться относительной свободой, а вероисповедание, по крайней мере, беспартийных, не подвергалось гонениям вплоть до бархатной революции 1989 года. Все это время Костел был духовным вдохновителем, также для неверующих и сомневающихся. Он стал центром оппозиционной интеллектуальной мысли и высшим моральным авторитетом.

Начиная с 1989 года, этот образ постепенно меняется; не вникая в подробности желательнее напомнить, что один из самых крупных священников-интеллектуалов называет современный статус католического Костела „dyktaturą snotliwych” т.е. (диктатурой благонаравных)<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> J. Tischner, *Polski kształt dialogu*, Kraków 2002. И. Тишнер – философ, профессор и настоящий духовный отец. Его миропонимание крайне отличается от фундаменталистских установок части иерархов (и не только!) католического костела. Кстати, А. Мень называет носителей подобной идеологии инквизиторами. О названных авторах, см.: J. Korzeniewska-Berczyńska, *Z problematyki miłości do „człowieka niesłusznego” oczyma J. Tischnera i A. Mienia. Próba analizy antropologicznej*, „Studia Rossica VI”, Warszawa 1998, с. 63-69.

Интересными могут быть результаты сопоставления сказанного с уровнем обыденного сознания в области отношения к религии, к универсальным ценностям, а значит, и к Костелу – их носителю.

Итак, согласно нашему исследованию, в польских вербальных ассоциациях на слово *świątynia* (их 120) можно обособить несколько тематических групп.

1. *Świątynia – to Kościół i moja religia* (44 вербальных реакции).

Следует отметить, что в анкетных листах *Kościół* явится как ‘моя религия’; католикам свойственна убежденность в том, что их вероучение – ‘самое правильное’. И только в шести случаях реакции в некотором смысле универсальны: *Kościół to ludzie, Kościół to wierzący, Kościół to religia*.

2. Вторая по количеству реакций группа объединяет вербальные ассоциации, связанные с внешними признаками храма, в том числе с обрядами (37 ответов). Примеры: *oltarz, kadzidło, komunia święta, ślub, bierzmowanie, pogrzeb*.

Можно предполагать, что для опрашиваемых религиозность теснейшим образом связана с обрядами и ритуалами, которые сопутствуют важнейшим моментам их земного существования. Магическая функция, которой они обладают позволяет погружаться в иной, более светлый мир.

3. В очередной группе отобраны ответы (35), связанные с символическим восприятием *świątyni* как воплощения религиозного культа. Кстати, их содержание близко оценке обрядов и ритуалов. Это например: *złoto i marmur, liturgia, krzyż, pielgrzymowanie, święte obrazy, świece, duchowni, niebo*, а также обобщающее определение – *święto duszy*.

4. Ассоциации типа: *modlitwa, uduchowanie, spotkanie z Bogiem* (24 реакции) можно отождествлять с внутренней атрибутикой, относящейся к высшим чувствам, к высшим духовным ценностям. Подобное восприятие определяется как *wszegarniająca cisza wewnętrzna, skupienie i rozmyślanie, spokój wewnętrzny, błogosławiony wpływ i pobudzenie do rozmyślań*. Анализируя подобные высказывания, можно лишний раз убедиться, что любому из нас необходим храм как магическое место, где можно отрешиться от ‘суеты сует’, и отказавшись от слепых гонок за миражами, остаться наедине с вопросом: кто я, и что со мной происходит?

5. Только пятая по количеству реакций группа (21) обособляет в контексте заданного вопроса номинацию *Bóg*, причем рядом нет никаких дополняющих определений. Обобщая: *Świątynia – to Bóg*.

Вышепредставленный материал подтверждает известное положение о традиционном характере польской религиозности, о привязанности

к обрядам, и только в последнюю очередь, об отождествлению символа *świątynia* с высшими духовными ценностями, с имманентной потребностью обогащения своего внутреннего мира.

Рассматривая вопрос современного российского восприятия храма, необходимо также учесть некоторые исторические, традиционные факторы. Это прежде всего период советского дикого и свирепого атеизма, который, естественно, оставил глубокий отпечаток в общественном сознании<sup>2</sup>; он проявлял себя не в нравственных поисках сомневающих, а в исполненном пренебрежении и ненависти отношении к религиозной вере, а заодно, – и к ее дистинкциям. Неслучайно П. Гуревич говорит о безрелигиозном единомыслии, об эксцентрических ликах советского атеизма<sup>3</sup>. В современной же периодике имеются рефлексии типа: „В течение семидесяти лет выработывалась особенная ценностная система, которая в корне отличалась от христианской этики [...] Всё, даже 10 заповедей, стало относительно” [„Независимая газета”, 13.01.94].

Конечный результат назойливой советской пропаганды ненависти, в перестроечное время определяется следующим образом: „сегодня [...] происходит массовое обращение к религии на почве любопытства, вызванного уже тем, что внезапно открыли давно и тщательно замурованное окошко” [„Независимая газета”, 15.06.91]. Но вместе с тем надо отдавать себе отчет в том, что „за несколько лет не переделаешься, хоть все население отправь в церковь, как раньше в »красные уголки«” [„Литературная газета”, 9.05.95].

Потерявший себя „просто человек”, с трудом избавляется от груза прошлого. Воспитываемый многими десятилетиями на религии марксизма-ленинизма, идеологии разрушения и поисков врага, он ищет свою дорогу к Храму, хотя она ухабиста, намного труднее польской.

Согласно отобраным здесь ассоциативным реакциям, в российском культурном пространстве понятие *храм* осмыслено посредством 180 ассоциаций, причем они (по сравнению с „польскими”), имеют более разнообразный характер.

Исходным пунктом для анализа надо принять ту классификацию, которая сопутствует описанию „польских ассоциаций”, причем уже на этом уровне наблюдаются некоторые различия не только количественного характера.

<sup>2</sup> О советском атеизме, и о дорогах, ведущих к Храму, см., например: И. Коженевска-Берчинска, *Образ человека в континууме публицистики*, Olsztyn 2001, passim.

<sup>3</sup> П. Гуревич, *Философия культуры*, Москва 1995, passim.

1. В этой группе (25 ассоциаций) наблюдается соотношение храма не только с православной церковью, но и с другими конфессиями. Это, например: *церковь, православный храм, собор, христианство, Господь, Бог*, но и, чуждо польскому сознанию, „поликонфессиональное” восприятие типа: *католическая церковь, кирха, костел, мечеть*. Лишь одна ассоциация абстрагирует от религии: *храм – это высокое каменное здание*.

2. Много внимания (60 вербальных реакций) посвящается внешним признакам храма, причем внимание сосредоточено на таких атрибутах, как (в убывающем порядке): *орган, органная музыка, иконы, свечи, священник, богослужение*. В том же аспекте наблюдается образное и синтезирующее восприятие: *голубое небо, иконы, душа, молитва, покой*.

3. Символическое восприятие храма (35 реакций) почти лишено сугубо конфессионального элемента, причем интересной мне показалась ассоциация: *соборность всех в обращении к Богу*. На основе иных высказываний мы можем судить, что оно имеет довольно разнообразный характер, например: *мощь, торжественность, праздник, красота, тайна, молчание*. Тем не менее, здесь называются положительные эмоции и состояния, которые необходимы любому человеку, ибо его тоска по душевному празднику дает возможность отдохнуть от будничных забот.

4. Тематическая группа, объединенная понятиями *молитва, духовность, встреча с Богом*, включает в себе реакции, которые органически связаны с национальным менталитетом. Это подтверждается равно количеством (свыше 70), как и семантикой вербальных реакций. Заметно, что в названных рамках особое внимание уделяется феномену духовности. Ассоциации выражаются следующим образом: *нечто высокое, духовное, что надо беречь; высокая духовность; духовное возрождение; вместилище духовного в высшем его проявлении; преобразование и воскрешение души; чистота души; хранилище, вместилище духа; гармония; сакрум; величие; покой; тишина; отрешение от суеты мировой; погружение в себя; светлая вера в добро, во что-то светлое; надежда на просветленность*. И лишь в отдельных случаях замечаются ассоциации типа: *встреча с Богом, гармония и возвышенность*.

Небезынтересно сопоставить данный материал с семантикой отобранных „перестроечных словосочетаний” времен 1988–1989, выражающих осознание реальности советского наследия, проявляющего себя в духовной порочности. Примеры (из газетно-публицистической речи): *духовная несамостоятельность, лишение духовной опоры* (разрыв с Русской Православной Церковью), *духовное разрушение, духовный инфантилизм*,

*духовное убожество, духовное угнетение (самое страшное для человека), духовный беспредел, духовное самоуничтожение личности, духовная односторонность, ампутирование христианской духовности, душевная опустошенность, духовное пепелище, духовно – нравственная деградация.*

Сопоставляя этот материал с содержанием отобранных ассоциативных реакций, можно прийти к выводу о положительных результатах российских нравственных поисков, о некотором утолении аксиологического голода, который сопутствовал „российскому человеку” особо во время перестройки, а потом стал для части общества неотъемлемой составной нового мироощущения

Крайне скромный „российский ответный материал” не дает основ для выделения группы реакций, параллельных польской пятой группе (см., с. 130, пункт 5).

Можно, пожалуй, говорить об особенном российском восприятии проблематики храма. Имеется в виду не только количество, но и характер выражений со слвом *храм*. Это можно понимать как одно из подтверждений извечного русского влечения к духовности<sup>4</sup>. Примеры: *храм науки, храм божий, храм премудрости Бога, храм любви, храм искусства, храм спорта, храм музыки, библиотека – храм, лес – храм, Ты мой храм* (из лирики Цветаевой, о любимой женщине).

Следует добавить, что богатая метафорика храма стала распространяться параллельно дистрибуции незабываемой кинокартины Абуладзе *Покаяние*. Она же стала стимулом для появления, уже в 1987 году, эссе И. Клямкина, *Какая улица ведет к Храму?*<sup>5</sup>. Пожалуй с тех пор, храм стал восприниматься как семантическое ядро метафорики поисков духовности, смысла жизни, ответа на многочисленные экзистенциальные вопросы. Эти кропотливые искания отображены в таких, например, метафорических выражениях: *смутный образ улицы не ведущей к храму; гнетущая мысль об улице, не ведущей к храму; в непохожести мы пытались угадать свою истину и правду, свою улицу, ведущую к храму; храм добра и правды; строительство храмов внутри себя*<sup>6</sup> (как насущная необходимость).

<sup>4</sup> Следует подчеркнуть, что концепт „духовность” (и производные) не имеет полного семантического эквивалента в польском языке, а согласно исследованиям А. Вежицкой, – также в других европейских языках: Anna Wierzbicka, *Dusza –Soul i Mind. Dowody językowe na rzecz etnopsychologii i historii kultury*, [в:] *Język – umysł – kultura*, pod red. J. Bartmińskiego, Warszawa 1999, с. 522–544.

<sup>5</sup> И. Клямкин, *Какая улица ведет к храму?*, „Новый мир” 1987, № 7, с. 150–188.

<sup>6</sup> *Ibidem*.

Культурная кинокартина Абуладзе сыграла функцию лакмусовой бумаги, выявляющей суть духовно-нравственных поисков, которые незадолго завершились криком больной, измученной, изнасилованной души: *Зачем же эта улица, если она не ведет к Храму?*

Систематическое исследование современной русскости в ее разных аспектах<sup>7</sup>, а также образ поисков Храма отображен в проведенном эксперименте, дают нам право предполагать, что тоска по Храму стала одним из ключевых элементов мирозерцания многих россиян. Новоприобретенное ощущение духовного вакуума, естественно, неравнозначно возрождению духовности. Тем не менее, само ощущение такого вакуума есть свидетельство духовной жажды, которую можно утолить лишь в процессе индивидуальных, самостоятельных поисков.

Помимо некоторых различий в восприятии концепта *świątynia/xрам* надо отметить, что в обоих исследуемых группах самое большое количество ассоциаций связано с религиозными обрядами (РО).

Знания о функциях этих обрядов освобождает нас от суждения о поверхностной набожности<sup>8</sup>. Итак:

- Посредством РО совершается адаптация к жизни в коллективе.
- РО служат сплочению любой общности, с их помощью совершается ее реафирмация.
- Интенсивность названных эмоций способствует укреплению межлических связей, ослабевающих в будничной жизни.
- РО – это заодно культивирование традиции, и таким образом, - обновление самых существенных составных общественного сознания.
- Особое значение имеет эйфорическая функция РО, т.е, поддержка в любой трудной, кризисной жизненной ситуации.

Результаты нашего скромного эксперимента дают, пожалуй, право говорить о религиозности, понимаемой независимо от национальной принадлежности, как своего рода панацей, который дарит человеку отдых от будничных забот и возможность освобождения от любых душевных и духовных невзгод. В крупном плане – она для многих из нас есть целеустремленность как фактор, решающий о смысле жизни.

---

<sup>7</sup> Кроме множества статей, я имею в виду три свои монографии: *Новації в языковій картине мира російського человека. На основі сучасних публіцистических текстів*; Olsztyn 1996; *Образ человека в континууме публицистики*, Olsztyn 2001; *Мосты культуры. Диалог поляков и русских*, Минск 2006.

<sup>8</sup> По Э. Дуркгейму, за: J. Szacki, *Historia myśli socjologicznej*, Warszawa 2003, с. 390.

Парадокс состоит в том, что религиозному человеку свойственны терзания, связанные с одной стороны с осознанием совершенства Высшей Идеи, а с другой, – с осознанием своего несовершенства.

#### Streszczenie

##### *Specyfika polskiej i rosyjskiej „drogi do świątyni”*

Niniejszy tekst jest poświęcony problematyce polskiej i rosyjskiej religijności badanej w aspekcie porównawczym. Autorka przeprowadziła eksperyment asocjacyjny na populacji liczącej 100 osób. Dotyczył on momentalnych reakcji badanych na słowo (odpowiednio) *świątynia/храм*. Uzyskane odpowiedzi są przedmiotem analizy, która stanowi podstawę umożliwiającą sformułowanie wniosków co do nielicznych podobieństw oraz dość licznych różnic między polskim i rosyjskim przeżywaniem religijności.

#### Summary

##### *The specificity of the Polish and Russian „way to the temple”*

The following text is on the Polish and Russian religiousness from the comparative aspect. The authoress carried out the associative experiment on the population of 100 people. It concerned the examination of immediate reactions on the word (respectively) *temple/храм*. The acquired results are the subject of the analysis forming the basis for the conclusions concerning few similarities and many differences between attitude towards religiousness in Poland and Russia.